

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

СУЕТА СУЕТ

РАССКАЗ

Странного вида мужчина в шляпе и демпальто шёл покачиваясь вдоль трамвайных путей к остановке. По мере его приближения к нескольким десяткам людей, стоящих на асфальтовом возвышении, раскачивания мужчины увеличивались, словно некий механизм каждый раз добавлял им дополнительное ускорение. Всё это необъяснимо походило на прогулку по краю пропасти, которая не могла закончиться благополучно.

Из-за поворота появился трамвай. С неотвратимостью судьбы приближался он к остановке.

“Так-так, так-так”, — стучали на стыках его колеса.

Когда трамвай поравнялся с мужчиной, тот ещё раз качнулся и оказался в пространстве между рельсами...

Семенчук увидел испуганные лица людей, стоявших на остановке, и так же, как они, испугался, и... проснулся...

“Так-так, так-так”, — стучали на стыках колеса поезда, возвращая Семенчука из эфемерного царства сна в осязаемую реальность. Вячеслав Антонович Семенчук, полный лысоватый мужчина сорока семи лет, работал снабженцем в бывшем НИИ полимеров и ехал в город в командировку. Вячеслав Антонович посмотрел на часы — можно было ещё поваляться, но он поднялся и направился в туалет, понимая, что легче туда попасть сейчас, а не через

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале “Наш современник” и других изданиях.

полчаса, когда проводница станет будить всех: начнётся вагонная суета, а он не любил суеты, в том числе и вагонной.

Умывшись и побрившись, Семенчук вспомнил сон, но тот не вызвал у него чувства тревоги или опасности. В детстве мать запрещала ему купаться в реке. А чуть позже девятилетний Слава узнал, что цыганка, ходившая по дворам, нагадала матери “гибель сына от воды”. Семенчук, став взрослым, о гадании не забыл и воды сторонился: купался с оглядкой и даже зимой в сильные морозы не ходил кататься на коньках на реку. Зато всего остального он не боялся: до тридцати лет ходил в горы, спускался в пещеры, прыгал с парашютом.

Перед городом поезд замедлил ход, и Семенчук, поторопившийся выйти в тамбур, был вынужден долго и терпеливо ждать, пока плетущийся, как судак по Енисею, состав минует посёлок “новых русских” с трёх- и двухэтажными домами и черепичными крышами; старые дачи, построенные в семидесятых годах, небольшие домики на шести сотках; городскую окраину с предприятиями, которая называлась промзоной; стоящие на путях зелёные вагоны — свидетельство приближающегося вокзала и, наконец, перрон с его суетой и беспорядком тех, кто ожидает посадки, тех, кто встречает, и тех, кто “кормится” встречающимися, предлагая им такси в любой конец города или тележку в любой конец перрона и даже на привокзальную площадь.

“Но что человеку чужая суета — она не достойна его внимания, поскольку никоим образом его не касается, а является лишь фоном, на котором происходит всё, что предписано ему судьбой”, — думал Вячеслав Антонович, обходя двух таксистов, крутивших на указательных пальцах ключи от машин, и спускаясь в подземный переход.

На привокзальной площади его опять атаковали таксисты, безошибочно понимая, что мужик с двумя сумками — их потенциальный клиент. Понимал это и Семенчук, но направился к машинам частников, стоящим в отдалении от стоянки такси. В городе он бывал часто и знал, что частники берут за проезд меньше.

Устроившись на заднем сиденье старых “Жигулей”, Семенчук немного расслабился, так как знал, что ехать ему не менее двадцати минут.

В командировку он приехал на один день — достать своему начальнику очистной фильтр на машину. Фильтр можно было купить, и не мотаясь в город, но начальник полагал, что в городе эти самые фильтры стоят чуть ли не в два раза дешевле, а Вячеслав Антонович не стал его переубеждать, тем более что в город ему нужно было позарез по своим делам.

Сам Семенчук тоже жил в городе, но небольшом, тысяч на шестьдесят жителей. В перестройку институт, в котором он работал, перестал существовать, точнее, от него осталась лишь вывеска, “под крышей” которой продолжала работать одна лаборатория, заключившая в своё время выгодное соглашение с рядом коммерческих фирм, выпускающих и продающих полиэтиленовую пленку для дачников.

Семенчук достал из кармана куртки толстую записную книжку, просмотрел всё, что было записано на 20 марта.

Книжка была гордостью Вячеслава Антоновича. Наряду со многими полезными сведениями и телефонными номерами она имела 366 страничек для записей неотложных дел. На странице двадцатого марта значилось двенадцать пунктов, каждый из которых означал маленькую или большую проблему, которую ему предстояло решить в городе.

Семенчук ещё раз сверил адрес и попросил шофёра остановиться возле облезлой пятиэтажки.

— Я сейчас вернусь, — сказал он водителю и направился к крайнему подъезду, волоча за собой одну из сумок.

Водитель, мужичок в куртке коричневого цвета, кожаной кепке и с небритым днём два лицом лениво кивнул ему в ответ головой, понимая, что клиент не скроется от него, не расплатившись, раз уж оставил в машине вторую сумку.

Семенчук поднялся на третий этаж и позвонил в дверь нужной квартиры. Почти сразу же после звонка раздались шаркающие шаги, и дверь открыла

среднего роста старушка с расчёсанными на две стороны седыми волосами, во фланелевом халате и тапочках.

— Не пугайтесь, пожалуйста, — произнёс он обычную в таких случаях фразу, поскольку на лице старушки появилось удивлённое выражение, — Лидия Петровна заказывала.

— А она мне ничего не говорила, — ответила старушка

— Знаете, она, видимо, замоталась, сами понимаете, студенты, нагрузка, — говорил Семенчук, протискиваясь в прихожую и осторожно ставя сумку на пол так, чтобы не звякнули находящиеся там банки.

— А что там? — строго спросила старушка.

— Если бы я знал, — сказал Семенчук, обворожительно улыбаясь, — я всего лишь передаточное звено, посредник, как модно говорить сегодня. А точнее, оказия, так что вы не обессудьте. Лидия Петровна разберётся, да там и записка ей есть.

— А там нет ничего скоропортящегося? — так же строго спросила старушка.

— Да что вы, там всё рассчитано на долгое хранение.

Вторую сумку Сидоревич завёз ещё проще. Жена декана факультета “Мосты и тоннели” приняла дар как должное, даже не поинтересовавшись, от кого он поступил.

Вернувшись в машину, Семенчук вновь уселся на заднем сиденье и попросил шофёра подвезти его к вокзалу.

Водитель, слегка взволнованный, когда клиент покинул его второй раз, не заплатив за проезд и не оставив ничего в залог, успокоился и начал разговор о погоде и ценах на бензин. Семенчук поддакивал ему, размышляя, однако, о своём.

Он думал, что уж больно гладко начался этот визит в город. Опыт подсказывал, что так не бывает и что дальше у него что-то должно сорваться. Но вместе с тем, он радовался тому, что самые значимые дела в его списке успел сделать: передал маленькие подарки преподавателю английского языка своего сына и создал “материальную основу” для будущего разговора с деканом факультета “Мосты и тоннели”, на котором учился его оболтус.

Тот мало того, что имел хвост по какой-то технической дисциплине, название которой никак не давалось Семенчуку, но и умудрился получить “хвост” по английскому.

— А вчера был такой случай, — продолжал разговор таксист. — Шёл пьяный по улице и упал в лужу. Упал и лежит. Подходит сердобольный старичок, вытаскивает его из лужи и ставит на ноги. Мужик какое-то время стоит, качается, а потом — бац! — выходит на проезжую часть и попадает под машину. Вот это помог. Да?

— Угу, — почти автоматически ответил Семенчук, которого не тронула история с пьяным мужиком. Каждому уготован свой конец. Одному — умереть “от железа”, другому — “от воды”. Стоит ли тратить время на размышления, почему и как кто-то погиб.

— Вот так живёшь-живёшь, — продолжал водитель, — и — бац! А главное, если тебе написано на роду умереть сегодня, то ты сегодня и умрёшь. Вот как тот мужик. Ну, не вытаски старик его из лужи, он бы захлебнулся бы. А так под машину попал... Точно?

— Угу, — не особо вдумываясь в эти слова, ответил Семенчук и попросил остановиться поближе к зданию вокзалу.

Рассчитавшись с водителем, Семенчук направился в кассу и встал в очередь, чтобы взял обратный билет. Он уедет вечером, даже если все остальные проблемы останутся нерешёнными. Чёрт с ним, начальственным фильмом и прочими мелочами, главное было сделано, и не стоило оставаться в городе ещё на один день.

Очередь была небольшой, человек семь. С учётом того, что кассирша пользовалась компьютером, дело шло споро. Но стоящий рядом мужчина с рюкзаком за плечами решил сократить время в очереди разговором с Семенчуком.

— На выходные? — спросил он, пытаясь завязать разговор. Семенчук сделал каменную физиономию, и мужчина отстал, оставив его наедине со своими мыслями.

Купив билет на обратную дорогу, Вячеслав Антонович трамваем добрался до железнодорожного института.

В приёмной декана факультета “Мосты и тоннели” он просидел почти два часа, не желая раздражать секретаршу — худую девицу в огромных очках со стёклами цвета слабой йодной настойки. Весь вид его, покорность, с какой он пропускал вперёд себя представителей профессорско-преподавательского состава, сделали, наконец, своё дело, и даже невидимые за йодными стеклами глаза секретарши заметили столь терпеливого посетителя.

— Дмитрий Степанович, — произнесла она в какое-то устройство, похожее на телефонный аппарат, только без трубки, — к вам товарищ из провинции.

Зайдя в кабинет, Семенчук представился, и от него не ускользнуло, что выражение лица декана слегка изменилось.

— Да, — подумал Вячеслав Антонович, — видимо, Игорёша действительно достал всех на этом “тоннельном” факультете.

У Семенчука было двое детей: погодки Алла и Игорь. Но если старшая дочь окончила институт и училась на первом курсе аспирантуры, то сын прошёл в политехнический только с третьего раза, а проучившись год, бросил его и поступил в железнодорожный. Семенчук не был против этого, хотя и не мог понять причин такого поступка. И только недавно узнал он, что Игорёша ушёл на “мосты и тоннели” вслед за своей однокурсницей. Какое безрассудство! Семенчук в его возрасте не позволял захлестнуть себя ни чувствам, ни эмоциям.

Вячеслав Антонович понимал, что декан ждёт от него действий по защите отпрыска, но он не стал защищать сына, точнее, не стал защищать столь примитивно.

— Дмитрий Степанович, — начал он, — я не отниму у вас много времени. Я пришёл к вам, как отец к отцу, в некотором роде, за советом.

Такое начало было беспроигрышным. Он явился “не права” качать и даже не “бодаться” с деканом, он просит всего лишь совета.

— Некие обстоятельства, которые юноши в таком возрасте вовсе не желают озвучивать, помешали Игорю сдать эти экзамены.

— Вы знаете, — ответил декан, — у нас инструкции, минообраз...

— Я предложил ему уйти из института. Но он настроен учиться, учиться и закончить вуз. И в этом я его не могу не поддержать. Я не прошу у вас делать ему поблажек. Нет, но дайте ему шанс. И что греха таить, ведь это английский. Так уж получилось, что в школе, где он учился, профилирующим был немецкий, и, наконец, появилась учительница английского языка. Но она тут же вышла замуж, и все пять лет, пока мальчик учился в школе, она время от времени уходила в отпуск по беременности и родам. В результате за пять лет она имеет двух здоровых детей, а её ученики так и не знают английского. Дайте ему шанс.

Расчёт был правильный. Декан не сможет ему отказать прямо, даже если его оболтус использовал все предусмотренные инструкциями шансы. Он, разумеется, даст согласие. Так проще и спокойнее, чем тратить нервы на то, чтобы сказать папаше-просителю “нет”. Ну, подмахнёт он ещё одно разрешение на сдачу экзамена. А сдать его он всё равно не сдаст: знаний-то у студента не прибавилось. Так, видимо, думает декан. Думает и не знает, что он попал в капкан Семенчука, впрочем, так же, как и англичанка, ведь именно ей и декану Вячеслав Антонович отвёз подарки.

Выходя от декана Семенчук, вспомнил анекдот о кавказце, который вёз в Москву барана.

— Зачем барана в Москву везёшь? — спрашивал его проводник вагона.

— Это не баран, это подарок, — отвечал кавказец, — а баран в институте учится.

Семенчук присел на скамейку в парке, вытащил записную книжку и вычеркнул три позиции в списке. Он не любил суеты и беспорядочности. У него

всё всегда было расписано по пунктам. И сегодняшний день, и завтрашний. Причём на завтрашней страничке всегда оставались свободные места для тех дел, что появятся, и тех, что по каким-то причинам не были сделаны сегодня.

К концу года Семенчук исписывал очередную книжку, но не выбрасывал. Те, что служили хозяину последние три года, просто лежали на письменном столе, остальные связывались по пять штук и хранились в том же столе, но в дальних ящиках. Хозяин записных книжек не любил неожиданностей, экспромтов, импровизаций, называя всё это неорганизованностью. Но больше всего не терпел он неорганизованности, исходящей от других. Всё, что другими делалось не по его меркам и стандартам, раздражало Вячеслава Антоновича.

Семенчук посмотрел на часы. Было время обеда. До отхода поезда оставалось пять часов.

Он забежал в кафе под каким-то латинским названием, не спеша отобедал куском пиццы, запил её стаканом пепси-колы и вновь занялся делами.

К шести часам он успел сделать всё: купить жене и любовнице духи, очистной фильтр начальнику, решить по телефону все вопросы со смежниками и... удивиться этому. Такое случалось редко, если не сказать большего... Можно сказать, не случалось никогда. Из двенадцати ежедневно планируемых дел редко удавалось сделать больше десяти. Уж больно необязательный был вокруг Семенчука люд, не желавший жить и работать так, как это делал Вячеслав Антонович.

До поезда оставался час с небольшим, и Семенчук позвонил сыну. Но на вахте в общежитии сказали, что жильца двести второй комнаты не видели со вчерашнего вечера, и Вячеслав Антонович, мысленно выругавшись, повесил трубку. Отсутствие сына можно было предположить. Но в данном случае логика поведения парня в возрасте двадцати лет не стыковалась с родительской.

“Мог бы сегодня и не шляться, где попало, раз уж знал, что я приеду”, — подумал Семенчук, и ему стало грустно.

Совершенно случайно взгляд его натолкнулся на вывеску “Пивбар”.

В баре было чисто, светло, за стойкой возвышался молодой человек в жилете и белой рубашке с чёрной бабочкой. Семенчук уселся на высокий стул и заказал горячий бутерброд и кружку пива. Он жевал бутерброд, запивал его пивом, ожидая, что алкоголь снимет неприятное чувство, возникшее после звонка сыну. Но нужного результата не наступало. Тогда он заказал себе сто граммов водки. Пока бармен доставал бутылку, наливал содержимое в мерный стакан и переливал его в другой, к стойке подошли два парня и по-хозяйски уселись на стулья. Бармен тут же подал им пиво в двух бокалах, и те, отхлебнув по глотку, закурили сигареты.

Семенчук махом выпил водку, закусил остатками бутерброда и окончательно понял, что ожидаемого результата не дожждётся. Наверное, эффект этот наступает не столько от алкоголя, сколько от чего-то другого, и это другое в данное время напрочь отсутствовало. Недаром, видно, русский человек не пьёт в одиночестве.

Он рассчитался и пошёл к выходу.

На улице грусть, которую он пытался залить выпивкой, вдруг переросла в жалость к себе. И всё, что он делал сегодня, вчера и много лет до этого, показалось ему никчёмным, пустым и главное — не оставляющим никакого следа в жизни... Постояв на крыльце бара, Семенчук направился к остановке трамвая, отметив, однако, что всё-таки опьянел от кружки пива и рюмки водки. Он шёл к остановке, не чувствуя под собой ног. Было начало седьмого, заканчивался очередной мартовский день. Солнце уже касалось антенн многоэтажек, с крыш которых свисали огромные сосульки. Красноватые закатные лучи отражались в них.

Странное чувство нереальности происходящего, возникшее не то от опьянения, не то от ощущения, что всё это с ним уже когда-то случалось, появилось у Семенчука.

Он двигался вдоль трамвайных путей к остановке, удивляясь тому, что несколько десятков людей, стоявших на асфальтовом возвышении, смотрели

на него так, словно он, в отличие от всех законопослушных граждан, ждущих зелёного сигнала светофора, переходит улицу на красный свет.

Перед самой остановкой Семенчука против его воли сильно качнуло, он сделал шаг в сторону и оказался в пространстве между рельсами. Раздался звон трамвайного сигнала. Удивление на лицах людей, стоявших на остановке, сменилось испугом, и Семенчук в мгновение ока вспомнил сон и понял, что сейчас должно случиться. Он внутренне напрягся, ожидая удара бампером в спину. Но в последний момент, когда, казалось, столкновение неизбежно, какой-то мужчина ударил Семенчука в плечо, вытолкнув за рельсы. Тяжёлая масса вагона, чиркнув его по спине, пронеслась мимо. Вздох облегчения раздался на остановке, и про Вячеслава Антоновича, чуть было не попавшего под трамвай, тут же забыли и стали концентрироваться возле дверей вагона.

Семенчук обошёл трамвай сзади и поплёлся к ближайшему зданию: он боялся упасть и решил на что-нибудь опереться. Добравшись до угла пятиэтажного дома, он прислонился к стене. Немного отдышавшись, он хотел было двинуться дальше, но не смог этого сделать.

Странные мысли, похожие на фразы без начала и конца, а следовательно, без смысла, копошились в голове. Семенчук вдруг с ужасом осознал, что если сейчас он не сможет разобраться в них, перевести эти мысли-уроды сначала в полноценные мысли о действиях, а затем положить их в основу поступков, он навсегда останется у стены этой панельной пятиэтажки.

Правда, тут же до него дошло: если он понимает это, значит, он уже мыслит, и из множества мыслей-калек он всё же собрал одну, и таким образом сделал первый шаг к спасению. Но порадоваться этому Семенчук не успел. Огромная мартовская сосулька, висевшая над ним на высоте пятого этажа, отломилась и понеслась вниз.